

«ВЕЛИКИЙ ОБМАНЩИК» ПРОТИВ ВЕЛИКИХ ВОЖДЕЙ

Никто не заметил того вклада,
который Владимир Набоков внес в мировую Лениниану

Дмитрий БАБИЧ, журналист *Известие. - 1994. - 1 Зап. С.*

После вала публикаций «возвращенных» писателей, обрушившегося на читающую публику в конце восьмидесятых годов, прошло достаточно времени. Теперь не нужно выпрашивать у знакомых ксерокопии или зачитанные до дыр журналы — достаточно посмотреть картотеку в библиотеке. Со временем утихли и споры, бушевавшие вокруг каждой новой книги Пастернака, Гроссмана или Замятина. И только о Набокове продолжают спорить.

Владимир Набоков как-то не укладывается ни в одну из привычных схем. Он весь какой-то не прямой, изломанный (один из главных его романов, известный русскому читателю под названием «Под знаком незаконнорожденных», в английском варианте так и называется — «Опасный излом»). Когда современный критик в предисловии к одному из первых изданий Набокова в России сказал о тяге к писателю «всего выморочного», он и не заметил, что вместо комплиментов к нему вышел комплимент.

Не имея привычки о чем-либо говорить прямо, Набоков во всех своих работах расставил «капканы» для исследователей. Многие его романы и рассказы и даже интервью так и просятся на упрощенную интерпретацию, которая потом оказывается ложной, тупиковой, постмодернистским розыгрышем. Как тут не вспомнить образ Марины Цветаевой (с которой Владимир Владимирович устраивал «лирические прогулки» в окрестностях Праги): «Он тот, кто смешивает карты, обманывает вес и счет»...

Один из таких «капканов» — миф о якобы полной «аполитичности» и «антиисторичности» Набокова. Поклонники чистой эстетики могут быть неприятно удивлены, например, тем, что одним из главных, сквозных персонажей в книгах Набокова был... Ленин.

За свою жизнь Набоков пережил и приход к власти большевиков в России, и приход фашистов в Германии. Когда он в 1940 году без копейки денег приехал с женой и сыном в Америку, спасаясь от Гитлера (мало кто из говоривших об «аполитичности» Набокова представляет, что значило прожить несколько лет в третьем рейхе с женой-еврейкой), он не рассчитывал продолжить писательство. Его сын в школьной анкете в графе «профессия отца» написал «Теннисный тренер». Этим он и собирался зарабатывать на жизнь. Помог счастливый случай: известный американский литературный критик «левого» толка Эдмунд Вильсон прислал ему свою книгу «К Финляндскому вокзалу», рассчитывая на восторженный отзыв от соотечественника «великого вождя». Вместо этого он получил от Набокова целое сочинение о Владимире Ильиче: «семейные воспоминания, как правило, до тошноты сладенькие, а бедной

Крупской не хватало и юмора, и стиля. Ироничный читатель, столкнувшись с ленинским замечанием о лисе, которую он не застрелил, потому что она была «красивая», мог бы заметить: жаль, что Россия была простенькая. Эта напускная доброта, это закатывание глаз «с прищуринкой», этот мальчишеский смех и т. д. представляют собой что-то особенно отталкивающее для меня. Именно эту атмосферу «веселости», этот кувшин молока человеческой доброты с дохой крысой на дне я использовал в своем «Приглашении на казнь» (которое, я надеюсь, вы еще прочтете). «Приглашение» предлагается так добро, все будет так прекрасно и приятно, если вы только не будете СУЕТИТЬСЯ, говорит палач своему пациенту». Вильсон был настолько впечатлен, что помог Набокову устроиться на работу в колледж Уэлсли.

Итак, в «Приглашении на казнь» Ленин оказывается одним из прототипов м-сье Пьера — «сокамерника» главного героя романа Цинцинната. В конце «Приглашения» м-сье Пьер вдруг оказывается переодетым палачом.

В романе «Под знаком незаконнорожденных» в некоей островой стране происходит «скучная и дикая революция» и к власти приходит тоталитарный «верховный правитель» Падук, прошедший через долгую школу подполья: «Где-то глубоко в лесу, в избушке, Правитель писал свои манифесты, как затравленный зверь». Когда либеральное правительство арестовывает Падука «за каждое слово, которое он гордо провозглашает: «Я рожден для руководства, как птица для полета». После прихода Падука к власти столица его государства немедленно переименовывается в Падукград.

Набоков не пытался спорить с тоталитаризмом привычными нам методами, подлавливая Гитлера или Сталина на противоречиях или в чем-то обвиняя их. Спорить может только человек, не совсем уверенный в своей правоте. Набоков к таким людям не принадлежал. Фашизм и большевизм казались ему просто скучными, серыми явлениями, о которых бесполезно спорить, их можно только высмеивать, показывая их абсурдность. Фигуры «вождей» и их слуг с

упорством роботов или механических манекенов вторгаются в чистый мир многих набоковских произведений. Кто приводит их к власти и кто они? Во всяком случае, не дьяволы и не мировые заговорщики, не рабочие и не крестьяне. Они — средние люди (партия Падука так и называется — «партия среднего человека»).

Работая в американских колледжах, Набоков часто пытался объяснить студентам значение русских слов «мещанство» и «пошлость». В одной из своих лекций он привел парадоксальный пример — сравнил автора «Мадам Бовари» Гюстава Флобера и Карла Маркса: «Маркс назвал бы Флобера буржуа в политико-экономическом смысле, а Флобер обозвал бы Маркса буржуа в духовном смысле. Оба были бы правы, поскольку Флобер был состоятельным джентльменом, а Маркс был мещанином в своем отношении к искусству».

М-сье Пьер ведет Цинцинната на казнь, солдаты Падука расстреливают гениального профессора Адама Круга. Неужели все кончено? Где же выход? Не в физическом сопротивлении, а в прорыве в другую реальность, в торжестве правды искусства и художественного вымысла над ложью и фантомностью «настоящей жизни». В «Приглашении на казнь» тщательно подготовленный эшафот рухнул, и Цинциннат пошел среди пыли, и падишх вещей, и трепетавших полотен, направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему». Набоков не раз говорил, что настоящий писатель должен быть «великим обманщиком».

Когда в октябре 1917 года штурмовали Зимний, восемнадцатилетний Владимир Набоков, сын министра юстиции, играл в шахматы с приятелем в двух кварталах от царского дворца. Тогда он не знал, что это событие, как гигантские жернова, перемелет полчеловечества. В изгнании, которое стало другой жизнью, он так и не обрел собственного дома, кочуя по гостиницам. Даже умер Набоков в 78 лет в «Палац-отеле» в Монре в Швейцарии.

Однажды Веру Набокову спросили, в чем видит главную отличительную черту книги своего мужа, она ответила: «Потусторонность». Сам Набоков в одной из своих лучших лекций предложил своим слушателям даже в наш жестокий и суматошный век не бежать вместе с толпой к общей цели, а пожить хоть немного в «многократно отвергнутой башне из слоновой кости». Точно так же Алиса из переведенной Набоковым на русский сказки, падая на дно колодца, успела посмотреть на висащие на его стенах картины и географические карты.